

УДК 947.084

СТАХАНОВЦЫ ЛЕСОЗАГОТОВОК ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ДОВОЕННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

© 2013 Е.В. Воейков

Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

Поступила в редакцию 14.10.2013

В данной статье исследовано развитие стахановского движения в лесной промышленности Поволжья в годы довоенной индустриализации. Поволжье рассмотрено в границах современных Пензенской, Самарской, Саратовской, Ульяновской областей и Республик Мордовия, Татарстан, Чувашия. Стахановское движение стимулировалось средствами материального и морального поощрения. Массовому распространению движения за перевыполнение норм мешали проблема инструментов, недостатки в организации труда, преобладание на лесозаготовках малоквалифицированной сезонной рабочей силы. Ключевые слова: индустриализация в СССР, Поволжье, лесозаготовки, стахановское движение, материальное и моральное поощрение.

В 1930-е гг. возможность и вероятность будущей войны осознавалась руководством СССР. Страна готовилась к войне, создавая тяжёлую промышленность. Ввод в строй тысяч новых предприятий, рост городского населения, массовое поступление новой техники в Красную армию, появление в стране сотен тысяч автомобилей потребовали значительного увеличения потребления топлива. В Поволжье индустриализация тормозилась из-за сложности дальних перевозок минерального топлива из Донбасса и Закавказья и недостатка альтернативных ресурсов на месте. Следует учесть, что Поволжье по сравнению с другими регионами СССР отличалось более редкой сетью железных дорог¹.

В Поволжье хронические перебои в топливоснабжении начались в 1930 г. Так, в частности, несколько раз в течение года складывалась сложная ситуация с поступлением топлива в центр Средне-Волжского края – город Самара². В телеграмме-молнии Пензенского горсовета от 20 ноября 1932 г., адресованной в крайисполком Средне-Волжского края, сообщалось: «Запасы топлива промышленности: бумфабрика 20 дней, хлебозавод 10 дней, патзавод 25 дней, суконная фабрика 3 дня; в лечебных, учебных заведениях, банях запасов нет... Положение катастрофическое»³. Напряжённая ситуация с топливом в Поволжье продолжала сохраняться и в третьей пятилетке. Так, на 1938 г. Куйбышевской области предполагалось выделить нефти 55,7%, мазута 82%, каменного угля 91% от потребности. При этом из-за недостатка вагонов на железной дороге фактически было получе-

но от запланированного количества, которое и так не могло удовлетворить всех потребителей, только 77,7% нефти, 98,3% мазута и 48,3% угля⁴. Зимой 1939–1940 г. учреждения, предприятия, школы, больницы и население в столице Чувашской АССР городе Чебоксары «испытывали острую нужду в дровах»⁵.

Лесной фонд Поволжья стал важным источником топлива в условиях развернувшейся индустриализации. Данная тенденция противоречила решениям XVI, XVII, XVIII партийных съездов, ориентировавших в вопросе освоения местных видов топлива в первую очередь на торф и сланцы⁶. Горючие сланцы должны были стать энергетической основой промышленного развития Поволжья также согласно планам первой и второй пятилеток. Причинами ориентации именно на древесное топливо можно считать хронический срыв плановых заданий сланцевой промышленностью Поволжья и многочисленные трудности развёртывания торфоразработок⁷. Кроме того, лесозаготовки не требовали специального сложного оборудования, соблюдения особой технологии и ограниченных по времени сроков добычи, как торфяная промышленность; для валки леса не нужны были необходимые на сланцевых рудниках электростанции, отбойные молотки, вагонетки.

Подтверждением увеличения масштабов использования древесного топлива в Поволжье стало резко увеличившаяся по сравнению с периодом нэпа численность рабочих на лесозаготовках, где в рассматриваемый период работали уже десятки тысяч человек⁸. В Среднем и Нижнем Поволжье явно преобладало дровяное направление лесозаготовок. Например, в 1940 г. в Мордовской и Чувашской АССР на деловую древесину пришлось 42,2% и 44,7% в общем

Воейков Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой философии, истории и права. E-mail: evgenijvoejkov@yandex.ru

объёме вывезенного потребителям леса, в Татарской АССР – только 33,8%, в Куйбышевской области – 33,3%, в Саратовской – 19%⁹.

Наряду с преобладавшей топливной ориентацией лесозаготовок лесная промышленность Поволжья в 1930-е гг. продолжала оставаться поставщиком материалов для строительной (брёвна, доски), угольной (рудничная стойка), пищевой (винная клёпка), авиационной («авиадревесина») и других отраслей промышленности.

Наряду с низкой производительностью труда значительной массы рабочих на лесозаготовках период индустриализации стал временем массового трудового энтузиазма, одним из проявлений которого стало повсеместное распространение ударничества и стахановского движения. По терминологии тех лет ударником именовался рабочий, перевыполнявший норму в диапазоне от 101% до 150%; стахановцем считался тот, кто показывал результаты от 151% и выше. На лесозаготовках Поволжья наблюдались высокие показатели стахановцев. В Пензенском леспромпхозе (далее – ЛПХ) треста «Средлес» в 1935 г. при дневной норме 3-4 кубометра дров отдельные лесорубы достигали показателей 8-12 кубометров. В 1937 г. бригада С.Г. Сазаненкова в Алатырском ЛПХ «Чувашлес» выполняла нормы на 270%. В 1941 г. рубщики Мелекесского ЛПХ треста «Куйбышевлес» И.М. Андреев, В.И. Горбунов, А.И. Сафронов добились выхода на уровень 351%¹⁰. Стахановцы работали не только в леспромпхозах и лесхозах крупных организаций, но и на участках мелких заготовителей. Лесоруб Морозов Рождественского завода Куйбышевского спиртртреста в 1939 г. выполнил 300% нормы. На лесозаготовках Никольского спиртзавода в 1940 г. у лесорубов Г.Г. Додонова и С.И. Крылова выполнение норм составило 191,4%¹¹.

Одним из наиболее известных методов работы лесорубов в рассматриваемый период стал так называемый «метод Гузиенко». Лесоруб-стахановец Подюжинского леспромпхоза Архангельской области В.Т. Гузиенко создал свою методику повышения производительности труда за счёт специализации на определённых операциях каждого члена бригады. Каждый рабочий выполнял отдельную стадию технологического процесса, например, валку дерева, обрубание сучьев, распиливание ствола, ошкурровку. Кроме того, особое значение придавалось организации труда, рациональному размещению лесоматериалов на лесосеке, своевременной заточке инструментов¹². По методу В.Т. Гузиенко в Инзенском ЛПХ треста «Средлес» стахановская бригада И.С. Давыдова начала работать в марте 1939 г. Уже на второй день работы выработка бригады составила 324% нормы¹³.

Помимо специализации членов бригады на отдельных операциях стахановцы лесозаготовок Поволжья использовали такие повышающие производительность труда приёмы, как чёткая организация производственного процесса с исключением простоев и сокращением перекуров, тщательная подготовка лесорубочного инструмента. В частности, эти методы позволили добиться высоких показателей в Барышском, Ульяновском и Пензенском леспромпхозах треста «Средлес» Д.В. Дорофееву, П. Кузнецову и О.Г. Аккуратновой, в Алатырском, Вурнарском и Шемуршинском ЛПХ «Чувашлес» – С.Г. Сазаненкову, А.Н. Никитину и А.Е. Матвееву¹⁴.

В стахановском движении на лесозаготовках Поволжья активно участвовали и женщины. На заготовке дров в Пензенском леспромпхозе «Средлес» О.Г. Аккуратнова в 1935 г. довела выполнение нормы до 250%. В Инзенском ЛПХ в декабре 1935 г. в списке из пяти стахановцев-лесорубов значились П.Д. Каракозова и Ф.Р. Мануйлова. Стахановка Алатырского леспромпхоза «Чувашлес» М. Емельянова первой на своём участке в 1936 г. освоила новую лучковую пилу¹⁵.

Органы партийной и советской власти в центре и на местах всячески пытались стимулировать стахановское движение, в первую очередь материальными средствами. Например, при обычном размере зарплаты лесоруба 200-400 рублей в стахановской бригаде Инзенского леспромпхоза «Волгостройлес» в феврале 1939 г. получали до 800 рублей в месяц, в Вязовском и Вольском лесопунктах «Саратовлес» осенью 1939 г. зарплата стахановцев достигала 900 и 1000 рублей, стахановцу В. Чурбанову в один из месяцев удалось заработать 2011 рублей¹⁶.

Помимо денежных премий стахановцам выдавались дефицитные товары. По мнению историка Ш. Фицпатрик, многие из популярных промтоваров 1930-х гг., такие как велосипеды, мотоциклы, швейные машинки, карманные часы, радиоприёмники, патефоны, представляли для сельских жителей большую редкость и часто «улетучивались, даже не дойдя до сельского кооператива»¹⁷. В этом отношении ударная работа на лесозаготовках давала в отдельных случаях возможность получить доступ к дефицитным товарам. В частности, приказом по тресту «Средлес» от 11 ноября 1938 г. были премированы: известный лесоруб-стахановец Кузнецкого ЛПХ Е.П. Евстифеев велосипедом, четырьмя метрами шёлковой материи и денежной суммой в размере 200 рублей; лесоруб Инзенского ЛПХ И. С. Давыдов – велосипедом и 100 рублями; лесоруб Ичалковского ЛПХ Г.Ф. Клочков – пальто; шофёр-стахановец Зубовского ЛПХ М.С. Баурин – костюмом; тракторист

Славкинского ЛПХ И.Г. Андреев – патефоном и 20 пластинками¹⁸.

Постоянной практикой стало награждение лучших стахановцев путёвками на курорты. Так, в тресте «Чувашлес» в течение 1937 г. лесоруб Шемуршинского ЛПХ Н. Малямов был направлен на курорт в Сочи, лесоруб Алатырского ЛПХ А. Малямов – в Ялту, тракторист Ибресинского ЛПХ Козлов – в Алушту¹⁹.

Применительно к 1930-м гг. не следует недооценивать роль морального стимулирования движения ударников. Газеты, радио, книги, кинематограф, партийные и профсоюзные собрания практически ежедневно обрушивали на рядового гражданина СССР поток информации об успехах всенародных строек и героях труда. На стенах домов, цехов, производственных помещений, красных уголков висели многочисленные плакаты, призывавшие к досрочному выполнению планов пятилетки, ударному труду, борьбе с нарушителями трудовой дисциплины. В постановлениях советских и партийных органов рекомендовалось на каждом предприятии завести красную доску, где вывешивались сведения о достижениях лучших бригад и ударников предприятия, и чёрную доску с информацией о худших по результатам работниках. Также наряду с торжественным вручением многочисленных Красных знамён как наград передовым предприятиям практиковалось и символическое «награждение» так называемыми рогожными знамёнами отстающих фабрик и заводов. Так, газета «Борьба за лес» Средневожского обкома профсоюза рабочих леса и сплава в 1931 г. регулярно на первой странице публиковала рисунки, отражающие степень выполнения квартального и годового задания отдельными районами и леспромхозами. Под изображениями самолёта, автомобиля, лошади печатались достижения лучших леспромхозов; верблюд и черепаха символизировали показатели отстающих.

Стахановцы и ударники лесозаготовок награждались почётными грамотами и значками. Например, в Лунинском ЛПХ Пензенской области в 1940 г. пятеро стахановцев были представлены к награждению значком «Почётный лесоруб»²⁰.

В мае 1936 г. руководство обкома ВКП(б) и Совнаркома Чувашской АССР организовало группе стахановцев «Чувашлеса» встречу с наркомом лесной промышленности СССР С.С. Лобовым. Заметка об этом приёме с фотографией участников была опубликована газетой «Лесная промышленность»²¹. Фотография одного из стахановцев Мамадышского лесхоза Татарского управления лесоохраны была помещена в журнале «Лесное хозяйство»²². Подобные мероприятия также следует рассматривать в качестве

эффективных форм поощрения передовиков лесозаготовок.

Помимо индивидуальных поощрений существовали и коллективные награды. В 1932 г. за образцовую работу Вурнарский ЛПХ треста «Чувашлес» был награждён переходящим Красным знаменем ЦК профессионального союза рабочих леса и сплава и сохранял эту награду в последующие годы²³.

Но, несмотря на все средства материального и морального стимулирования, широкого распространения на лесозаготовках страны и Поволжья стахановское движение не получило. В течение 1937 г. доля стахановцев «Чувашлеса» колебалась от 15% до 24%²⁴. По данным обкома профсоюза рабочих леса и сплава Чувашской АССР, в 1939 г. в лесной промышленности и лесном хозяйстве этой автономной республики насчитывалось 584 стахановца и 751 ударник²⁵. По системе треста «Средлес» в 1938 г. из 7,4 тысячи среднесписочной численности рабочих стахановцев и ударников было 787 человек (10,6%). В тресте «Саратовлес» в 1939 г. из 559 постоянных рабочих стахановцев было 159 человек, или 28,4%²⁶.

Нарком лесной промышленности С.С. Лобов, выступая на производственной конференции работников лесной промышленности в июне 1936 г., подчеркнул: «...много ли у нас стахановцев? Очень немного. И в этом наша главная беда... Что нужно, чтобы стахановское движение развивалось? Нужна забота о людях, забота о создании таких условий, чтобы в лесу жилось лучше и веселее»²⁷. Помимо указанной руководителем Наркомлеса СССР причины отсутствия комфортных бытовых условий недостаточное развитие движения за перевыполнение норм также объяснялось целым комплексом факторов: низким качеством инструментов и медленным внедрением новых технологий, неэффективной работой автотранспорта, неумением руководителей леспромхозов и лесопунктов рационально организовать производственный процесс²⁸.

Проблемы инструментов и плохой организации труда могут быть проиллюстрированы на примере начавшегося во второй половине 1930-х гг. на лесозаготовках страны и Поволжья внедрения обеспечивающих более высокую производительность труда лучковых пил²⁹. При правильной заточке и умении обращаться с данным инструментом производительность при валке и раскряжёвке деревьев возрастала в несколько раз. Но освоение новых инструментов на лесозаготовках тянулось годами. Например, в тресте «Средлес» к началу 1939 г. из 2400 лучковых пил использовалось только 288³⁰. Главной причиной медленного внедрения новых инструментов в производственный процесс стало повсе-

стное отсутствие необходимой системы обучения лесорубов работе с данным видом пилы, так как новый инструмент имел определённую специфику технологии своего применения³¹. На собрании работников Вурнарского ЛПХ («Чувашлес») 3 марта 1937 г. один из выступающих заявил: «Почему плохо работают лучковые пилы? Только потому, что десятники плохо их внедряют и сами не могут ими пользоваться»³².

Неумение правильно организовать производственный процесс наряду с недостатком запчастей и специальных лесовозных дорог ограничивали возможности стахановского движения среди водителей автомобилей и тракторов, занятых на перевозке лесных материалов. Стахановец Шумерлинского механизированного лесопункта «Чувашлеса» отмечал: «Я лично работаю сейчас на подвозке дров к трассе тракторной дороги. Работаю с большими простоями, не хватает рабочих для погрузки и разгрузки на складе. Я много раз просил начальника механизированного транспорта Хохлова дать рабочих на эти работы, но мои просьбы остаются невыполненными». В итоге ежедневная вывозка колебалась от 50 до 60 кубометров дров, в то время как можно было «свободно вывезти 100 кубометров и даже больше»³³. Поэтому результаты работы стахановцев, работающих на автотранспорте, обычно были ниже показателей перевыполняющих норму лесорубов и возчиков. Так, в Мордовской АССР в 1935 г. шофёр автобазы Зубово-Полянского ЛПХ треста «Средлес» добился результатов 130%, тракторист И.Г. Андреев в Славкинском ЛПХ – 160%. В том же году возчик-бригадир Пензенского леспрохоза М.С. Клипиков, работая на двух лошадях, выполнял 203% нормы³⁴.

В значительной степени на недостаточное развитие стахановского движения повлияло преобладание на лесозаготовках сезонных малоквалифицированных рабочих. Основными поставщиками рабочей силы для лесозаготовок в 1930-е гг. были колхозы. Руководство лесных трестов Поволжья жаловалось в отчётах также на недостаточную квалификацию и, соответственно, производительность труда приехавших из колхозов на лесозаготовки лесорубов и возчиков, низкий уровень дисциплины. В объяснительной записке к отчёту за 1935 г. треста «Средлес» сообщалось: «Колхозы, как правило, продолжают менять свои бригады, работающие на лесозаготовках, через каждые 10-15 дней и чаще... Трудовая дисциплина сезонных рабочих на лесозаготовках всё ещё остаётся низкой... фактически рабочий день сезонника не регулируется и его продолжительность, а также интенсивность труда зависят от усмотрения самих рабочих»³⁵. В объяснительной записке к годовому отчёту 1938

г. треста «Татлес» отмечалось: «...имеется громадная текучесть рабочей силы, завербованный рабочий, проработав несколько дней в лесу, уходит домой, присылая взамен себя других»³⁶. За неделю пребывания в лесу освоить все тонкости работы лесоруба или возчика было невозможно. Поэтому производительность труда таких неопытных работников часто была низкой. На совещании работников лесной промышленности Куйбышевской области в январе 1939 г. представитель Сергиевского ЛПХ треста «Куйбышевлес» указывал, что посланные на лесозаготовки колхозники не успевают собраться в понедельник, поэтому приступают к работе на лесосеке во вторник, в субботу уже уезжают, поэтому выполнение нормы составляет только 25-50%³⁷. Кроме того, сами колхозники свой приход на лесозаготовки часто воспринимали как ненужную им лично повинность. Для преодоления нестабильного характера работ на лесозаготовках, связанного с непрерывно меняющимся составом рабочей силы, во второй-третьей пятилетках был взят курс на создание постоянных кадров в лесной промышленности. В 1935 г. в тресте «Средлес» постоянных рабочих было 22,8% и сезонных 77,2%³⁸. В тресте «Татлес» в 1938 г. постоянные кадры составляли 16% от общего числа рабочих³⁹. Вплоть до начала войны сезонные рабочие на лесозаготовках Поволжья продолжали преобладать, что существенно затрудняло внедрение передовых методов работы и тормозило рост количества стахановцев.

Несмотря на то, что стахановское движение в лесной промышленности Поволжья широкого распространения не получило, следует отдать должное тысячам людей, которые в годы первых трёх пятилеток героически трудились, снабжая страну топливом и стройматериалами. В данном случае, вопреки многочисленным трудностям, имело место проявление традиционно присущих российскому народу трудолюбия и коллективизма, творчески поддерживаемое местными руководителями с помощью многогранной системы моральных и материальных стимулов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Лебедев Н.* Средне-Волжский район. М.: Госплан, 1927. С.68-69.

² См.: Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р.56. Оп.1. Д.329. Л.111, 125-125 об., 188 об.

³ Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. Р.453. Оп.1. Д.1018. Л.59.

⁴ История индустриализации Среднего Поволжья. 1926-1941 гг. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1974. С.375.

⁵ Полностью обеспечить топливом столицу республики // Красная Чувашия. 1940. 19 июля.

- ⁶ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.5. М.: Политиздат, 1984. С.151; Т. 6. М.: Политиздат, 1985. С.117; Т.7. М.: Политиздат, 1985. С.59.
- ⁷ Подробнее см.: *Воейков Е.В.* Сланцевые рудники Поволжья в предвоенный период (вторая половина 1930-х гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т.12. №2 (34). С.147-153; *Воейков Е.В.* Торфяная и сланцевая промышленность Поволжья. 1930-1941 гг. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2011. С.163-184, 191-207, 277-300, 303-325; *Воейков Е.В.* «Торфяные пятилетки» в Поволжье – забытая страница истории 1930-х гг. // Российская история. 2010. №2. С.46-47, 49.
- ⁸ Подробнее см.: *Воейков Е.В.* Проблема автотранспортного обеспечения на лесозаготовках Среднего Поволжья в годы первых пятилеток // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т.11. №6. С.153.
- ⁹ Подсчитано по: Промышленность СССР. Статистический сборник. М.: Госстатиздательство, 1957. С.250-252.
- ¹⁰ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А.215. Оп.1. Д.3054. Л.96; ГАПО. Ф. П.2803. Оп.1. Д.4. Л.21; Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИАЧР). Ф. Р.222. Оп.1. Д.1994. Л.233.
- ¹¹ См.: ЦГАСО. Ф. Р.3650. Оп.1. Д.197. Л.159; Д.248. Л.124.
- ¹² *Архангельский М.* Звено т. Гузиенко // Стахановец лесной промышленности. 1939. №3. С.9.
- ¹³ См.: *Сорокин А.С., Шеглов Б.С.* Метод Гузиенко в Инзенском леспромхозе // Стахановец лесной промышленности. 1939. №8. С.6-7.
- ¹⁴ См.: Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИЧР). Ф.1. Оп.16. Д.116. Л.79, 153; Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. Р.1810. Оп.1. Д.12. Л.59-59об.; ГИАЧР. Ф. Р.222. Оп.1. Д.1994. Л.233.
- ¹⁵ См.: Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (далее – ГАНИУО). Ф.1380. Оп.1. Д.5. Л.119; ГАУО. Ф. Р.1810. Оп.1. Д.12. Л.59об.; Стахановцы Чувашии у тов. С.С. Лобова // Лесная промышленность. 1936. 15 мая.
- ¹⁶ См.: ГАНИУО. Ф.1380. Оп.1. Д.12. Л.4; ГАСО. Ф. Р.2052. Оп.20. Д.2049. Л.15; Победа лесорубов области // Коммунист (Саратов). 1939. 23 октября.
- ¹⁷ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С.297-298.
- ¹⁸ См.: ГАУО. Ф. Р.1810. Оп.3. Д.16. Л.158-158об.; Самарский областной архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф.656. Оп.29. Д.23. Л.115-115об.
- ¹⁹ См.: ГИАЧР. Ф. Р.222. Оп.1. Д.1994. Л.235.
- ²⁰ ГАПО. Ф. П.1202. Оп.1. Д.20. Л.10.
- ²¹ Стахановцы Чувашии у тов. С.С. Лобова // Лесная промышленность. 1936. 15 мая.
- ²² *Грабе Н.П.* Передовики лесного хозяйства // Лесное хозяйство. 1941. №2. С.41.
- ²³ Промышленность и рабочий класс Чувашской АССР. Ч.1 (1920-1950 годы). Сб. документов. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1985. С.133.
- ²⁴ ГИАЧР. Ф. Р.222. Оп.1. Д.1994. Л.232.
- ²⁵ Промышленность и рабочий класс Чувашской АССР. Ч.1. С.182.
- ²⁶ ГАСО. Ф. Р.2052. Оп.20. Д.2049. Л.15, 17; ГАУО. Ф. Р.1810. Оп.3. Д.16. Л.157об.
- ²⁷ Все силы, всё внимание – на развёртывание стахановского движения // Лесная промышленность. 1936. 17 июня.
- ²⁸ Подробнее см.: *Воейков Е.В.* Торфяная и сланцевая промышленность Поволжья. 1930-1941 гг. С.339-351.
- ²⁹ Лучковая пила по форме напоминала лук, в котором место тетивы занимало режущее полотно, а изогнутая железная рама придавала жёсткость всей конструкции.
- ³⁰ См.: ГАПО. Ф. Р.430. Оп.1. Д.220. Л.173; Д.222. Л.17; СОГАСПИ. Ф.656. Оп.30. Д.474. Л.31.
- ³¹ См.: *Никандров И.* Как я освоил лучковую пилу // Стахановец лесной промышленности. 1937. №2. С.2; *Ремов И.В.* Как надо работать лучковой пилой // Стахановец лесной промышленности. 1937. №3. С.22.
- ³² ГАСИЧР. Ф.848. Оп.1. Д.4. Л.32об.
- ³³ Стахановец-тракторист П.С. Сорокин. Летом надо готовиться к зимним лесозаготовкам и вывозке // Стахановец лесной промышленности. 1938. №7. С.18.
- ³⁴ ГАУО. Ф. Р.1810. Оп.3. Д.12. Л.59об.; Д.16. Л.158-158об.; Социалистическая индустриализация и развитие рабочего класса Мордовии (1926-1970 гг.). Документы и материалы. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1977. С.100.
- ³⁵ ГАУО. Ф. Р.1810. Оп.3. Д.12. Л.58.
- ³⁶ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. Р.4571. Оп.1. Д.99. Л.221об.
- ³⁷ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.30. Д.474. Л.74.
- ³⁸ ГАУО. Ф. Р.1810. Оп.3. Д.12. Л.57.
- ³⁹ НАРТ. Ф. Р.4571. Оп.1. Д.99. Л.35.

STAKHANOVETZES OF LOGGING OF THE VOLGA REGION DURING THE PRE-WAR INDUSTRIALIZATION

© 2013 E.V. Voeikov

The Penza Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the development of Stakhanov movement for the overfulfillment of output norms in the forest industry in the Volga region during the pre-war industrialization. The author considers the Volga region in borders of modern Penza, Samara, Saratov, Ulyanovsk areas and the Republics of Mordovia, Tatarstan, Chuvashia. As the author argues, the Stakhanov movement was stimulated by means of both material consideration and moral encouragement; but the shortage of tools, poor organization of work, prevalence of low-skill seasonal labor force were the main obstacles for the mass spread of the movement. Keywords: Soviet industrialization, Volga region, logging, Stakhanov movement, material and moral encouragement.

Evgeniy Voeikov, Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department Philosophy, History and Right. E-mail: evgenijvoeikov@yandex.ru